

Шамхал МАНИЕВ

УЛЫБКА НА ПОЛ-ЛИЦА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Шамхал Афлатун оглы Маниев

Улыбка на пол-лица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63595836

SelfPub; 2020

Аннотация

В первой книге молодой петербургский писатель Шамхал Маниев размышляет о философии бытия, приоткрывая для читателя несколько лет жизни отдельного человека. Испытав ряд тяжелых, разъедающих переживаний, его герой, словно очнувшись ото сна, переосмысливает свое существование. Повесть состоит из трех частей: свобода, смерть и любовь. Каждая из этих частей найдет отклик в сердце читателя и поможет в поисках пути к истинной для каждого человека бесценной жизни... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	4
Часть 1. Свобода	5
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Шамхал Маниев

Улыбка на пол-лица

Посвящается родителям

Предисловие

В своей повести я приглашаю читателя рассмотреть такие понятия, как свобода, смерть и любовь. Кто-то может спросить: «Почему именно это интересует автора?». Я отвечу: «Свобода, смерть и любовь – это то, что близко всем, что касается каждого». Повесть состоит из трех глав, которые дадут Вам, читатель, возможность задуматься. А возможно, помогут «проснуться». Эта повесть необходима тем, кто, забывшись, погрязнув в повседневной суете, считает, что жизнь вечна, что ею можно крутить как хочешь, выбрасывать в помойку прожитое время, тратить его на ненужные, ложные ценности. Убивать свою сущность, разрушать себя, либо разрешать это делать другим.

Часть 1. Свобода

*Свобода поистине принадлежит лишь тем, кому
хватает смелости ее защищать.*

Перикл

В моем понимании свобода – это возможность выбирать. Можешь мыслить, как хочешь, говорить, что хочешь, поступать, как хочешь – ты свободен...

Я расскажу вам о существовании человека на острове, за колючей проволокой, на острове, на котором практически нет жизни, за исключением пары сотен «животных» – хищников и травоядных выживающих в мертвых, тихих снегах. На острове, на котором бок о бок живут унижения, наказание и смерть...

Давайте рассмотрим понятие свободы через призму службы в армии. Почему в армии? Потому что там, как и в обычной, «гражданской» жизни, всегда найдется тот, кто будет стараться опустить тебя лицом в грязь, топить, наблюдать, как ты захлебываешься и, в конце концов, радоваться, когда ты, наконец, умрешь. Далеко не обязательно эти люди выше тебя по званию, это могут быть и люди, которые выше тебя по статусу.

Люди, стоящие выше в «пищевой цепочке», могут определять твою жизнь, могут совершать выбор за тебя. В таком случае человеку, попавшему в клетку обстоятельств, необходимо не изменять себе, оставаться собой – или же переродиться в нечто большее, чем он есть на данный момент.

Если этого не произойдет, твое нутро умрет, ты превратишься в «шавку», которая будет унижаться, выполнять все, что ей скажут, вплоть до питья воды из засранного туалета. Ты изменишься и, уже освободившись, если тебе, конечно, повезет, ты больше не сможешь поднять головы, не сможешь выражать свою волю, и так будет продолжаться всю жизнь. Поэтому за свободу надо яростно биться. Надо ценить ее и использовать на все сто процентов. Понятие свободы «кровоточит», как и во все времена, но именно сейчас оно стоит особенно остро.

«Вокруг кружатся легкие хлопья снега. Им, кажется, нет ни конца не края. Мы счастливы. Здоровая, стальная машина, с черными высокими трубами, аккуратно скользит по блестящей водной глади. Разрезает тихую, послушную синюю воду, прямо навстречу нам и нашим юным мечтам».

Армия... Время от времени на тему армии я общался со своим соседом, забытым героем афганской войны. Вот и в тот вечер, после учебы, я решил его навестить, зайти, пого-

ворить за чашечкой кофе. Встретил он меня, как всегда, радушно. Общались мы, как обычно, на кухне.

Кухня эта была очень простой и уютной. Находясь в ней, я всегда чувствовал себя, как дома. Бледнопесочные обои, светло-коричневые шторы. Широкое окно с видом на новенький парк. Небольшой холодильник в углу, белая, но уже потемневшая от времени кухонная мебель. Напротив, у стены – прямоугольный стол, накрытый однотонной, аккуратной бежевой скатертью, на который расположилась стеклянная маленькая сахарница. По краям стола два алюминиевых стула с мягкой спинкой. Ничего лишнего, все удобно и просто.

Василий Васильевич – человек чести. Ему тогда было около шестидесяти лет. Одевался он, конечно, не в соответствии со старыми стереотипными афгано-чеченскими канонами, типа выцветшей поношенной флоры, а в обычный, серый, однотонный свитер и синие американские джинсы. Коротко подстриженные волосы и усы – почти белые. Среднего роста, широкоплечий, плотного телосложения. Мужественное, угловатое суровое лицо отражало его серьезный, твердый, непоколебимый характер. Казалось, все, что он говорит, есть факт, аксиома, которая не требует никаких доказательств. Была у него еще одна особенность. В те редчайшие случаи, когда он смеялся, его глаза оставались полными тоски. Во взгляде темных глаз можно было увидеть следы серьезных жизненных испытаний и утрат. Казалось, будто тоска будет

всегда рядом с ним – останется его главной, преданной спутницей бессрочно, до конца жизни.

– Ты будешь стыдиться каждое двадцать третье февраля, понимаешь!?! – хмуро глядя мне прямо в глаза, проговорил Василий Васильевич. – В то время, когда тот, кто просто служил срочную, будет гордо ходить по улицам и получать удовольствие от поздравлений и праздника.

– Согласен, – сказал я, немного опустив голову. – Это будет терзать меня всю жизнь.

– И не думай, что срочная служба – это тупая потеря времени, нет, – вежливо, но настойчиво произнес он. – Сейчас это «слепое» общество пытается навязать подобные мысли, навязать эту моду для комнатных сынков. Все талдычат – время можно потратить на что-то более полезное, на работу, например.

– Согласен. Все вокруг именно это и говорят. Но я считаю, что человек всегда успеет наработаться, так как большая часть нашего пребывания на земле уходит именно на работу, а вкусить сочный кусок жизни, конечно, немного грубой и горьковатой, будет очень полезно для становления самой личности человека, – сказал я.

– Смотри-ка, зеленый еще, а мозги-то шевелятся, – улыбнулся Василий Васильевич. – И не надо браться делать то, что тебе навязывают всякие «левые» люди. Возьмешься – и будешь до конца службы драить полы, стирать носки да чай подносить. Нельзя свободу терять, ее ценить надо.

Василий Васильевич отошел покурить. Я на минуту задумался:

«Вообще мужская натура – такая сложная штука, – подумал я. – “Особые” экземпляры доходят до того, что ломают себе руки, ноги или все сразу, дабы отсрочить эту проклятую отправку в войска. Кто-то пытается всеми силами нарыть деньги на «отмазку», выпрашивает у родителей, окружающих, либо просто уходит в громадные долги для покупки заветного военного билета».

Я думал, как же поступить... Я, конечно, знал, что в армии будет сложно, но всегда думал о том, как же я буду жить с этим купленным билетом. Для меня это будет проявлением слабости, будет означать, что я принял позицию тряпки, мямли, доходяги и сопляка. Человека, сломя ноги убегающего от ответственности, проблем и сложностей. Такие персонажи не попадают в ряды успешных людей, а мне всегда хотелось быть среди них.

– Чего ты там сидишь, думаешь? Соображать быстро надо, – со строгой улыбкой «отрезал» поток мыслей Василий Васильевич.

Весь дом знал о подвиге Василия Васильевича – он спас экипаж вертолета, сбитого зенитным комплексом и рухнувшего на горную сопку.

Война в Афганистане... Вертолет, потеряв управление, стремительно падал. Из пробитого корпуса показались темные клубы дыма. Тревожно кружась, раздробив горный хре-

бет, он рухнул. Пыль окутала разбитую машину. Выживший экипаж выбрался наружу и залег рядом с дымящейся машиной. Со всех сторон подбирались противники, летчики оказались в окружении. Кольцо сжималось. Василий Васильевич, будучи пилотом вертолета Ми-8, увидев, как смерть тянется к жизням товарищей-однополчан, резким маневром двинул свою машину вниз. Разрывая горло, кричал: «Прорвемся!». Вертолет садился, ослепляющий пыльный вихрь сбил внимательный обзор душманов. Безумие отчаянного советского летчика заставило их замереть на мгновение. Не потеряв ни минуты, Василий Васильевич бросился из кабины пилота в сторону окопавшегося экипажа. Навстречу – кучная стрельба свирепого недруга. Василий Васильевич ловким движением взвел затвор автомата и ровной огненной очередью ответил моджахедам. «В машину!» – рявкнул он в сторону сбитого вертолета. Как только экипаж погибшей машины поспешно загрузился, духи обрушили свинцовый град на поднимающуюся вертушку. Бронированный Ми-8 стерпел все горячие, стальные раны... На этот раз смерть осталась ни с чем.

В другие же дни взгляд Василия Васильевича тонул в крови молодых ребят – «черные тюльпаны» с цинковыми гробами стабильно отправлялись на упокоение в родные края.

Война в Афганистане, по выражению командующего сороковой армией Бориса Громова, была бы просто невозможна без вертолётной авиации. Всего через горнило Афгани-

стана прошло около шестисот двадцати тысяч советских военнослужащих и двадцать одна тысяча гражданского персонала. Из них четырнадцать тысяч четыреста пятьдесят три человека погибли и четыреста семнадцать пропали без вести. Кто же сейчас, среди молодежи знает об этом? Кто знает о десятках тысяч загубленных жизней, о людях, которых теперь просто забыли?.. Никому нет дела до них. Даже в школах, на уроках истории не говорят об этом. Почему? Потому что не помнят? Не думают? Не ценят? Или просто не хотят вспоминать?.. Не знаю, надеюсь, это не так.

В течение пары часов поговорив о жизни, его и моей, я поблагодарил Василия Васильевича за кофе и попрощался.

Наконец, разобравшись в своих мыслях, я окончательно сделал свой выбор. На данный момент он казался очевидным и однозначным. Вопрос о желании проверить себя, пройти все тяготы тяжелой армейской жизни, был закрыт. Вопрос, благодаря которому железным, холодным отпечатком в моем запасе памяти отобразились очень яркие, наполненные жизнью моменты, которые никогда не сравнятся с повседневным существованием рядового человека.

За полгода до вручения диплома я основательно взялся за свою будущую военную службу. Первым делом я позвонил в военкомат, спросил, какие документы необходимо предоставить. Надо было собрать несколько справок и фотографий, пройти медосмотр. Далее мне сообщили, в какое время я должен подойти на медицинское обследование. Медкомис-

сия проходила в самом здании военкомата. На ней я наблюдал весьма занимательные действия, похожие на мышиную возню. Военкомат был полон грустных юношей с мамами, которые что-то обсуждали, тихонько перешептывались. Наверное, обговаривали сценарий, который помог бы им обойти армейский «глаз». Возможно, мне тоже надо было подготовить «сказочку» для врачей и военного комиссариата? Нет, конечно, нет. Я шел к этому выбору уверенно, с мыслью, что так правильно, что косить от армии – удел слабеньких маменькиных сынков, просто трусов. Начался медосмотр. «Грустные» парни один за другим, струйкой тянулись от одного кабинета к другому. Множество врачей проверяли все и в то же время совсем ничего. Но, кстати, именно там, к моему удивлению, я впервые узнал, что у меня не такое уж и идеальное зрение. Рассказали про астигматизм и какой-то небольшой минус.

Могильную тишину прервал какой-то бледный, худощавый парень, пройдя через всех нас, «комиссионных» ребят и мам, он без очереди зашел к терапевту, но потом моментально вышел, после чего выбежал врач в белоснежном халате, ругаясь матом, со словами – «Кто же его сюда пустил?!».

Оказалось, у парня был запущенный туберкулез открытой формы. Началось проветривание и промывка кабинета. После чего «грустная» очередь, как ни в чем не бывало, начала свое волочение снова.

В итоге, примерно часов через пять, я стоял с заполненной

справкой, в которой была надпись «годен к военной службе с незначительными ограничениями». Это было из-за глаз, поврежденного носа и какой-то стадии сколиоза. Недолго думая, со справкой в руках, я отправился к главному комиссару, дабы посоветоваться, куда можно отправиться служить и в какие рода войск есть возможность попасть.

Кабинет комиссара я нашел довольно быстро. Очереди не было, только пожилые родители с сыном. Выглядели они как два офисных работника с многолетним стажем. Редкие, поседевшие волосы отца смиренно лежали на блестящей запысине. Маленькие очки с толстенными линзами то и дело сползали на кончик носа. Белая выглаженная рубашка была натянута добротным животом. Рядом сидела мать, полная женщина в симпатичном зеленом платье, и все время что-то кудахтала своему по виду изрядно уставшему мужу.

– Вадик! Да что ты опять гундишь! Устрой его к себе в институт! К Санычу подойди – и все! – громко говорила женщина. – А если не получится, деньги найдем!

– Хорошо, – спокойно, податливо кивал мужчина.

Судя по дальнейшим перешептываниям, они принесли какую-то справку, чтобы отмазать родное чадо.

Я засыпал под дверь военного комиссара в ожидании, когда же переступлю порог и попаду внутрь.

Наконец, подошла и моя очередь. Я зашел. Передо мной открылся большой светлый кабинет с отголосками советского периода. Светло-серые стены. Свежий, блестящий паркет.

Коричневый модульный строгий шкаф на всю длину стены. Напротив, у окна, стоял широкий письменный стол из шлифованного, лакированного массива сосны. На столе лежало несколько книг, два телефона – черный и зеленый, довольно аутентичная серебристая статуэтка тигра, подставка с ручками и другими канцелярскими принадлежностями. По бокам, на стенах, ровными шеренгами, с одной стороны расположились портрет президента и герб города, с другой – несколько почетных грамот в деревянных, тонких рамах. За столом, на кожаном, немного потертом кресле, сидел старший офицер. Серьезный, седой, коротко стриженный капитан с выдающимся раздвоенным подбородком, одетый в серую рубашку с аккуратно завязанным черным галстуком. Множество золотых звезд на погонах в полной мере отражали его значимость и соответствие должности. Взгляд его серых глаз был настолько пронзителен, что смотрел он как будто бы сквозь меня. Я уселся перед ним. У нас завязался диалог.

– Молодой человек, какой вопрос вас интересует? – спросил капитан.

– Знаете, вот какой вопрос у меня... Можно ли попасть в часть рядом с домом? – спросил я, немного замявшись.

– Можно. Образование есть? – коротко спросил капитан.

– Да. Высшее, – с легкой гордостью ответил я.

– Рядом есть ВВС. С вышкой подойдете. Приходите двадцать седьмого июля, в семь утра, – четко, без раздумий, определил капитан.

– Хорошо, – ответил я. – Буду.

– С собой приносите все анализы, – добавил капитан.

– Может, что-то еще взять? – поинтересовался я.

– Нет, – отрезал капитан. – Мы всем вас обеспечим.

– Спасибо... До свиданья, – сказал я и вышел тихонько за дверь.

Туманное будущее, о котором я думал месяцами, начало постепенно прорисовываться. «Военновоздушные силы» – так интересно, значимо, серьезно. Дальняя авиация, фронтовая авиация, авиация ПВО, военно-транспортная авиация. Картинки – одна за другой, начали размашисто вырисовываться в моем сознании.

Вдруг я вспомнил, что в этот день должен быть выпускной вечер и вручение диплома. Не буду врать – немного раздосадовался. Потом плюнул:

– Да на кой он мне, этот вечер?! – проговорил я вслух. Тем более, что я уже договорился о встрече, пообещал, что приду ровно к семи утра двадцать седьмого июля.

Выйдя из здания военкомата и прогуливаясь по улице, я размышлял, как бы мне получить диплом раньше положенного времени. Как оказалось, это не так уж и трудно: мне надо было «защититься» и просто прийти в деканат забрать свою долгожданную корочку. На следующий день, после защиты дипломного проекта, я уже держал в руках бумажный плод своих упорных, мучительных трудов – то, во имя чего я работал сутками в течение пяти лет. Я получил даже целых

два документа о высшем образовании, так как обучался двум специальностям параллельно. Забрал я дипломы самый первый с потока и горделиво всем их демонстрировал. Давал поддержать и посмотреть, что в них такое написано. Наверное, я испортил однокурсникам впечатление при вручении диплома, так как они увидели, как он должен выглядеть, раньше положенного времени.

На следующий день я стал собираться в армию. Зубная щетка, мыло, бритвы и еще кое-какие вещи легли в спортивную крупную сумку.

Позже я встретился с Викой, моей девушкой. Она была моей мечтой. Неким образом, который сформировался в моих мыслях уже давно – с юных лет. Интеллектуальная, высокая, стройная брюнетка с длинными вьющимися волосами, от которых всегда пахло свежими цветочными духами. Тонкие брови, легкие черты лица, по которым угадывалась необузданная, чувственная натура. Не только ее... не знаю, как сказать, внешняя красота, но и глаза – они могли свести с ума: черные бездонные глаза с некой загадкой. Всматриваясь в них, я терялся, тонул в зыбкой, жаркой, таинственной тьме...

Мы познакомились через общих друзей. Первая встреча была непонятной, я стеснялся, при разговоре – заминался. Но через несколько совместных походов в клубы, наполненных ритмичной музыкой и пропитанных алкогольными парами, мы сошлись. Мы проводили много времени вместе,

прониклись друг к другу чувствами... Да, это было красочное, страстное, неудержимое время. Меня словно не существовало. Я был полностью растворен в ней, находился в желанном плену. Время от времени я помогал ей с учебой – с курсачами, а под конец – и с дипломом. Ее диплом я сделал за две недели – не такая уж сложная у Вики была специальность. В таких сладких эмоциях, в беззаботности прошел почти год.

Но сегодня Вика была подавлена, ее глаза излучали грусть.

– Что с тобой, Викуша? – спросил я.

– Ничего... – недовольным голосом ответила моя девушка.

– Время пройдет быстро! – задорно махнул я рукой. – Ты не успеешь и глазом моргнуть – а я и вернулся уже! – сияя в улыбке, заглядывая в недовольные глаза Вики, сказал я.

Вика шла медленно, смотрела куда-то вниз и молчала.

– Ты только пиши, – сказал я. – Знаешь, хочу не смски бездушные, хочу настоящие бумажные письма с запахом твоих духов. А еще можешь чмокнуть, чтобы губки видны были напомаженные, – держа Вику под руку, весело рассуждал я.

– Чего ты такой веселый-то? Дурак, – отрезала Вика, хмуро покосившись на меня.

– А что мне – плакать, что ли? – продолжал я смеяться.

Мы шли вдоль аллеи зеленого, густо заросшего деревья-

ми, парка. Сквозь богатые пышными листьями ветви проглядывало улыбочливое доброе солнце. Ни облачка, ни намека на дуновение ветра или дождь. Идеальное время. Мы присели на узорчатую скамью прямо под густым ветвистым кленом. Я сорвал пару крупных листочков.

– Держи, «май свит лав», – протянул я листочки Вике. – Это тебе букет.

– Что ты все играешься? – продолжала негодовать Вика. – А ты знаешь, что ты вот уезжаешь, а мне на работу выходить?

– Да, обычно так после окончания учебы и бывает! – усмехнулся я. – Ты что, не знала? Что тут поделать?! Вроде фирму хорошую себе нашла, зарплата отличная, крутой коллектив будет! – эмоционально рассуждал я. – Все станет гораздо лучше, чем было! Перестанешь ходить в те дешевые клубы, которые мы с тобой на пару обошли! – продолжал я.

Она внезапно повернулась и посмотрела на меня своими глубокими черными глазами.

– Умеешь же ты мотивировать... Оптимизмом заражать... – с легкой улыбкой сказала Вика.

– Да?! Ах, вот почему ты со мной все шарахаешься! – расхохотался я в голос.

– Дурак ты, – рассмеялась, прикрывая ладонью белоснежную улыбку, Вика.

Я приобнял ее. Моя Вика... Обнял крепче. Мы сидели и общались, говорили обо всем на свете. Долго... Мечтали... Думали о неизведанном будущем, наивные, милые, юные...

Спустя день я устроил встречу в кафешке с одногруппниками. Решил отпраздновать окончание учебы и мой отъезд. Я счел нужным шикануть и взял бутылку Jack Daniel's.

– Ну что, ребята, бахнем?

Широченный стол с кучей молодых ребят вокруг как-то необычно затих.

– Не-е. Завтра выпускной. Да еще на работу, – отозвался Дэн. – Тяжелый день намечается, чертежи надо править. Голова же болеть будет.

– Нет. Спасибо. Мне тоже на работу завтра. Так не хочется на работу... Да еще с утра, – отозвался Андрей.

Все бодренько подхватили слова Андрея, полностью с ним соглашаясь.

– А ты, Юль! – крикнул я в конец стола.

– Нет, спасибо. Я вообще такое не пью, да и желания нет. Завтра столько дел надо переделать, – ответила, улыбаясь, Юля.

– Может, по капельке вина, девчонки? – не унимался я.

– Не-е. Не. Не, – отозвалась вся женская часть группы.

Я рассматривал их, стараясь уловить их настроение. «Завтра утром меня ждут проблемы куда серьезнее, тяжелее, чем ваша работа и какие-то повседневные дела, – подумал я. – Зря я надеялся на поддержку университетской группы, в другие-то дни они бухали и веселились. Но почему-то именно сегодня им не хочется. Никогда мы не были по-настоящему чем-то дружным и целым».

Университетские товарищи стали так далеки в своей непохожести на меня... В итоге я один выпил почти целую бутылку. Остаток я оставил на столе. Голова кружилась, мысли смешивались. Я смотрел на ребят, и мне в голову пришло, что со всего потока отправился в армию я один, да еще по собственному желанию. Большинство парней откосили или были не годны к службе в армии.

По возвращении домой я стал «проживать» последние часы перед отправкой с родителями. Ценные часы, часы с разговорами про будущее за чашкой чая.

– Ты – мужик! Мой сын! – бодро ударив себя в грудь, воскликнул отец. – Все будет отлично!

– Старайся нам звонить... Ох, и зачем мы тебя вообще отпускаем... – пригорюнилась мама.

– Все будет нормально... – уверенно сказал я.

«Да, ближе родителей никого нет, и никогда не будет. Только они будут всегда переживать за тебя, отдавать себя, жертвовать собой. Родители – единственные, кто любит настоящего. Будь ты хоть нехороший человек, неудачник, либо просто последний глупец, все равно они будут тебя любить», – подумал я тогда.

Кажется, родители успокоились, и я морально был готов покинуть родной дом на долгое время.

Ровно в семь утра я уже сидел в своем военкомате. С нами, молодыми и зелеными ребятами, провел небольшую беседу какой-то лейтенант. На вид лет тридцати, одет в серую, четко

по канту, выглаженную рубашу с галстуком, темные брюки и ярко начищенные туфли. Он рассказывал, как стать хорошим солдатом и отличником по службе:

– Каждый солдат должен стойко переносить все тяготы и лишения военной службы, строго хранить военную и государственную тайну. Быть честным, правдивым, добросовестно изучать военное дело и всемерно беречь вверенное ему вооружение, боевую и другую технику, военное и народное имущество, – продолжал он громким голосом, – оказывать уважение командирам и старшим, соблюдать правила воинской вежливости и отдания чести.

Далее он подробно разъяснил, как достигается высокая воинская дисциплина.

В окнах аудитории показался зеленый микроавтобус.

– Выходим! Строимся в колонну по одному! – дал команду лейтенант.

Будущие солдаты, пребывая в небольшом хаосе, выбежали по одному во двор военкомата. После этого нас посадили в микроавтобус и направили в сборочный пункт. Несколько матерей, провожая стремительно отдаляющуюся машину взглядом, под гнетом тяжело давящих эмоций расставания с сыновьями, уже не в силах сдерживать плач, моментально залились слезами.

Сборочный пункт представлял собой громоздкое, серое, ровно оштукатуренное кирпичное здание советской постройки. Наружные стены увешаны агитационными, цвета-

стыми плакатами на патриотичный манер. Армейский корпус наполнен нервными, шумными людьми, среди которых были офицеры, прапорщики, солдаты и гражданские. В здании – несколько помещений с высокими белыми потолками. Свежевыкрашенные ровные стены, увешанные плакатами, инструкциями и нормативами. Имелась там и комната для местных, служащих солдат. В ней было четыре ряда двухъярусных металлических кроватей. Так же находилась общая аудитория с несколькими длинными деревянными скамьями, расставленными одна за другой, здесь проводилась вводная лекция. Местный старший прапорщик посадил нас в эту большую аудиторию и приказал тихонько сидеть. Появился докладчик в звании старшего лейтенанта.

– Будете болтать – будете драить полы! – рявкнул громко старлей. – Не будете выполнять приказы, – осмотрел он нас всех внимательно, – будете косячить, тогда на каждого найдется зубная щетка да туалет обосранный!

В аудитории меж скамеек слышались тихие перешептывания.

– Тише, обезьяны! Всем молчать! – рвал глотку старлей.
– Обещаю – халяву словить хер получить! Раз пришли – терпите!

Именно там, на лекции, или, скорее, это можно было назвать на «воспитании», из уст старлея я впервые услышал изощренный русский, первосортный армейский мат.

Еще «обезьяны»... Это слово сопровождало меня до са-

мого конца службы. Время от времени оно весьма подходило к солдатам, в особенности, когда они бухали, дрались и так далее. Но не в этот момент. Сейчас «старлей» рвал глотку чисто для профилактики, учил нас, обкладывая всех извращенным, режущим уши матом.

Спустя несколько часов всех находящихся в аудитории людей разделили на группы. Затем ровным строем отправили на улицу во двор. Там за небольшими, расположенными четко в линию, деревянными столами, нас ждали «покупатели».

«Покупатели» – это офицеры, либо прапорщики, которые разбирали «нужных» для них солдат. «Нужных» они подбирали по личным делам, которые выдавал им военкомат.

Они сидели в ряд за столами и заполняли какие-то документы. Среди них были военнослужащие с морского флота, войск связи, министерства внутренних дел и так далее.

С большим нетерпением я ждал своего «покупателя», который должен был забрать меня в мои военно-воздушные войска. Да, я уже считал их своими. Те самые войска, которые находились рядом с домом, в области.

Вдруг я услышал свою фамилию и подошел к вызвавшему меня офицеру. Им оказался капитан третьего ранга. Это был человек лет шестидесяти, с короткими светло-каштановыми волосами и добрыми глазами темно-голубого цвета. В ровненько причесанных волосах проступала добротная седина. Гладковыбритый, с прямыми чертами лица, по которому бы-

ло видно, что это умный, принципиальный человек. На голове вальяжно, немного на бок, красовалась черная пилотка с крупной золотистой кокардой. На плотной фигуре морского офицера ладно сидели бледно-желтая рубашка с коротким рукавом и черные брюки с четко выглаженной, правильной стрелкой. Изящные, начищенные черные туфли заканчивали образ настоящего показательного офицера, по-моему, истинного образца для подражания.

В полном недоумении я присел на стул напротив «моряка». Началось своеобразное собеседование.

– Здравия желаю! – громко поприветствовал меня капитан.

– Здравия желаю, товарищ капитан третьего ранга! – на выдохе, так же громко, ответил я.

Он изучал меня с каменным лицом. В его глазах читалась оценка.

– Сколько лет?

– Двадцать два.

– Смотрю, вышка есть? – рассматривая личное дело, спросил капитан.

– Да, – с легким шлейфом гордости ответил я.

– Думаю, подойдешь.

– Какие войска? – поинтересовался я.

– Пока не скажу, – отрезал капитан.

– А куда? В море? – вырвалось у меня.

– Посмотрим, – многозначительно ответил капитан.

– Что мне делать дальше? – с любопытством спросил я.

– Иди побрей голову. Забери форму, сапоги и подожди меня. Может, прихватчу еще кого, – ответил капитан.

Пока я искал того, кто меня «обреет», я думал о том, что передо мной сейчас был отличный человек. Таких людей в сборочном пункте я еще не встречал. Насколько я мог судить по мимолетному общению – настоящий офицер, не такой, которого я слышал несколькими часами ранее. И тут я начал понимать разницу в офицерском составе. Она была очень большая, как разница между небом и землей. Как позже я понял, есть «шакалы», а есть настоящие офицеры, каким и являлся этот капитан третьего ранга.

Блуждая по сборочному пункту, я случайно наткнулся на кубрик местных военнослужащих и, наконец, нашел своего «стригаль»:

– Обреешь? – спросил я, черпанув пальцами свои непослушные волосы.

– Давай, садись на стул, – показал на табуретку в конце кубрика «стригаль». – Ща я тебя так обрею, у меня навыки – не хуже новозеландского овчара.

Пока меня брили наголо, я обдумывал свое «собеседование» – вспоминал, как капитан спрашивал у меня про образование, рассматривал меня, изучал, думал – брать или не брать, как я пытался узнать, в какие войска меня собираются забрать. Что же будет дальше? Остается только ждать.

После бритья, с новыми ощущениями на голове, я полу-

чил свою форму, сапоги и вещмешок, которые впоследствии сопровождали меня всю долгую службу. Получил ту самую форму, которую впоследствии сотни раз подшивал, штопал, которая в конце службы превратилась в желтоватую тряпку.

Одежду, которая была на мне, я сложил в громадный мешок. Обувь – в другой, не менее большой. Никогда я не видел таких больших мешков – тюфяков, полных одежды и поношенной обуви. Мне сказали, что одежду отправят домой. Примерно через час появился капитан в компании пары таких же, как я – лысых, «зеленых», не понимающих, что происходит, молоденьких ребят.

Нас, бритых парней в новенькой форме, посадили в старенькую, проржавевшую «буханку» и увезли в неизвестном направлении.

Сидя в машине, я думал о том, как сейчас мои университетские товарищи торжественно, в шикарных костюмах и модных платьях с улыбкой получают свои дипломы. Беззаботные, юные, полные жизни, они танцуют, пьют, любят... В общем – счастливо живут и дышат полной грудью.

Тут машина резко подпрыгнула, и я ударился головой о крышу, что моментально вернуло меня обратно, из воображения – в суровую реальность.

Шальная «буханка» наша ехала скачками, виляла из стороны в сторону. Меня немного мучило. По истечении нескольких часов она, наконец, остановилась. Нас привезли во временный пересыльный пункт.

Пункт представлял собой большой деревянный прямоугольный барак. Внутри, в тусклом свете пары одиноко висящих лампочек на проводах, можно было увидеть дощатый, украшенный широкими щелями, выкрашенный в грязно-коричневую краску, пол. На нем, по двум сторонам, в линию, четким строем расположилось несколько стальных кроватей. У каждой кровати стояло по маленькой деревянной табуретке зеленоватого цвета. Из побитых временем деревянных окон доносился свист холодного ветра. Вокруг спертый, затхлый запах, как будто в помещении накануне подохла пара лошадей.

Нас встретил контрактник в должности рядового. Показал, где можно спать. Добрая часть металлических кроватей была сломана. Сетчатые основания – порваны. Прутья местами врезались в спины. Капитан был вместе с нами. Стоило ему прилечь – отключился моментально. Могильную тишину барака прерывали звуки ночного леса, скрежетание сверчков, шелест листвы и дуновение ветра. Тишина и полное спокойствие – давненько такого не было...

В пересыльном пункте мы пробыли только одну ночь. Утром сели обратно в «буханку» и продолжили свой путь. Через пару часов нас доставили на маленькую, переполненную бабушками, деревенскую железнодорожную станцию. Вскоре показался поезд.

Мы погрузились в вагон и двинулись, как нам объяснили вскользь, в сторону Волгограда. Сопровождал нас капитан,

к которому присоединился большой рыжий прапор с петличками пехотинца. Отличался он тем, что всегда почему-то пел:

*Путь далёк у нас с тобою,
Веселей, солдат, гляди!
Вьётся, вьётся знамя полковое,
Командиры впереди.*

*Солдаты, в путь, в путь, в путь!
А для тебя, родная,
Есть почта полевая.
Прощай! Труба зовёт,
Солдаты – в поход!*

Пел он старую строевую песню. Позже она стала моей любимой. Под эту песню мы каждый день гордым строем тянули ногу. Но прапор пел ее отвратительно. Приходилось терпеть.

Мы расположились в вагоне плацкарта. После прошлого места ночлега плацкارت показался нам каким-то шикарным, фешенебельным, пятизвездочным отелем. В вагоне хотя бы был нормальный туалет с умывальником, что не могло не порадовать. Ребята попались собранные, правильные, никто не ругался, никто, на удивление, не пронес в вагон что-то спиртное, даже никто не курил в тамбуре. Своей маленькой компанией мы сидели и гадали, куда нас везут.

Через сутки спокойного путешествия мы, наконец, приехали к нашему долгожданному месту назначения. Бодрым пешим шагом добрались до части. Прошли ровным строем через контрольно-пропускной пункт, и нашим глазам открылась широкая, обновленная, светлая, выстроенная по кантику, показательная воинская часть. На гладкой поверхности черного асфальта красовалась свежевывкрашенная разлиновка, на которой ровным строем, нога в ногу, шла рота солдат.

Ранним утром на плацу обычно проходила физическая зарядка. Днем ребята «тянули» ногу на занятиях по строевой подготовке, вечером, уставшие от тяжелого дня, собирались на полковую вечернюю поверку, на присутствие, отсутствие и так далее.

Во главе плаца стояла массивная, командная трибуна, обложенная бежевой, габаритной, керамической плиткой. На плитке красовался флаг Российской Федерации и полковой герб. Плац окружали четыре кирпичные пятиэтажные казармы, здание штаба, учебный корпус и набело оштукатуренная столовая.

Это была примерная и уставная часть. Она имела свой оркестр и хороших, грамотных офицеров. Но, в то же время, «славилась» железной дорогой, которая шла прямо за забором части. На ее счету было несколько молодых ребят, перерезанных колесами поезда. Кто-то спрыгивал с забора прямо под поезд: то ли просто хотел сбежать, то ли сразу насмерть – решался однажды сделать шаг под стальные лезвия колес...

Служба в этой учебной части длилась около полутора месяца. Описывать ее полностью, особого интереса у меня нет, но было несколько ярких, показательных моментов, в которых просматривалась человеческая психология. Как свобода умирает под гнетом уродов, а своеволие и вседозволенность – развращает. Кто волк, кто шакал, кто «кидает» слова, а кто отвечает за сказанное. Как ведут себя люди в критической, опасной для себя ситуации. В общем, как говорят: «Кто на что горазд».

Часть была уставная. «Уставная» – означает, что во главе всего – воинский устав. Воинский устав – нормативно-правовой акт, регламентирующий функционирование вооружённых сил, извиняюсь за бюрократический оборот речи. А если простым языком, то все ходили по струнке, одежда должна была быть выглаженная, чистая, а сапоги – вылизанные до блеска, ходить – строем, приказы выполнять – четко. В казарме – все, как надо. При входе – тумбочка дневального, слева – бытовая комната, справа – каптерка и ленинская комната. Напротив – канцелярия, где размещался офицерский «штаб». В нем офицеры заполняли свою повседневную документацию и готовились к многочисленным разноплановым проверкам. Коридор напротив канцелярии – место построения. Возле бытовки – туалет: ровные ряды писсуаров и умывальников, пять кабинок с сортирами. За дверцами кабинки – фарфоровые «очки».

Спальное помещение – самое большое. Разделено на две

части широким проходом – «взлеткой». В самом конце «взлетки», у стены, – спортивный уголок с турником и несколькими, на скорую руку сваренными, аккуратно сложенными гантелями. Кровати металлические, двухъярусные. По две впритирку. Одеяла застелены ровно, по «кантику», сразу видно, застелили по ниточке. Подушки отбиты, уложены, само самой, так же – по нитке.

Вся эта ровненькая обстановка мне очень даже нравилась. Единственный большой минус, который перекрывал все плюсы, это сержантский состав. Приходилось слушаться оборзевший, не видящий рамок в своих издевательствах, лховской сержантский состав. У них – погоны, у нас – ничего. Они были редкостными ублюдками: если их кто-то не слушал, они «стучали» на солдат командиру роты или командиру батальона. Пользуясь положением, могли забрать деньги и телефоны. Когда только приехали мы и солдаты из других городов, «недосержанты» решили поживиться.

– Строиться на взлетке! В две шеренги! – дал команду один из сержантов. – Быстро!

– Первая шеренга! Три шага вперед! Круугом!

Ровный ряд солдат сделал три широких шага и развернулся. Не понимая, что происходит, мы вопросительно смотрели друг на друга.

– Содержимое карманов! Вещмешков! На пол! Живо!

На полу оказались горы шампуней, зубных паст, мыла, бритв, туалетная бумага, разнообразная еда и даже книги.

Поочередно были проверены карманы на наличие хороших телефонов и денег. Действо это проходило не один час, но уходить было нельзя. Один из нас не удержался и обделался. Так и стоял. Но на него было всем «насрать» в прямом смысле, не до него... Через несколько часов телефоны, деньги и еда были собраны.

Сержантский состав время от времени проводил воспитательную работу с солдатами (по мне – так просто издевались). Устраивали игры типа «три скрипа», «сушеный крокодил», «телевизор» и так далее.

«Три скрипа» – способ успокоить и уложить спать роту после отбоя. Правила до боли просты: после отбоя должна сохраняться гробовая тишина, на каждый третий скрип кровати рота поднимается на ноги и выстраивается по стойке смирно на взлетке. По команде, в течение десяти—пятнадцати секунд все должны вернуться в кровати, при этом успеть снять тапки и поставить их аккуратно, а кому надо – взобраться на верхнюю койку. Если рота больше ста человек – реально ли вообще спать без единого скрипка? Поэтому такая тупая беготня продолжалась, бывало, в течение всей ночи.

«Сушить крокодила». Нет, там нет никакого крокодила! Ни живого, ни мертвого. «Сушка крокодила» – это когда провинившегося за что-то, а, возможно, и просто так для профилактики, солдата заставляют висеть над лежащим на кровати уже послужившим «дедушкой». Руки и ноги упира-

ются в спинки кровати, а снизу отдыхает «послуживший» – вот тебе и физическое воспитание – и моральное.

«Телевизор». Нет, там тоже нет никакого телевизора! Есть только табуретка, которую надо держать на вытянутых руках в позе «сидящего на горшке». На табуретку могут поставить что-то для увеличения нагрузки. Продолжительность «испытания» не имеет ограничений. Для подбадривания, конечно, можно и пинков надавать.

Но это все «попса». Пришел мне на память вот какой случай. Мы, солдаты, постоянно были загружены множеством дежурств и нарядов. Люди, которые стояли в наряде ночью, по возможности отсыпались пару часов днем. Среди шума двух сотен диких кабанов жизненно необходимо было хоть как-то уснуть.

Один из обессиленных, спящих ребят – Саша, отличный парень, отзывчивый, эрудированный и жизнерадостный. Всегда улыбался. Ему было двадцать лет. Внешне Саша походил на мышонка: худенький, маленький, беленький. Гладкая кожа туго обтягивала его бледное худощавое лицо. Сашка с большим нетерпением ждал того часа, когда его отпустят на свободу, когда закончатся бесконечные армейские будни. Каждый день в своем карманном, обшарпанном календаре Сашка отмечал прожитый день, отсчитывал, сколько осталось до дембеля. В дальнейшем, всем на удивление, этот «мышонок» оказался решительным, без тормозов храбрым, отвечающим за свои слова человеком, то есть настоя-

щим мужчиной, что в наше время очень большая редкость.

После одного из ночных нарядов по части, а наряд представлял собой патруль, который должен был обходить всю часть и близлежащие территории, Саша вернулся уставший, корчась от боли, снял свои дырявые берцы, аккуратно стянул портянки, его ноги были в глубоких кровяных мозолях от бега, постоянной ходьбы и от другой армейской повседневной суеты. Затем он улегся на свою двухэтажную железную скрипучую койку и замертво уснул. В это время мимо проходил один из младших сержантов, моральный урод, типичный представитель племени «недосержантов», или просто ублюдок, который чувствовал свою безнаказанность. Так вот, проходя мимо Сашки, мирно спящего «мышонка», «недосержантик» решил над ним подшутить. Придумал он произвести над ним «письмо бабушки».

Письмо бабушки – это был удар со всей силы подушкой по измазанному пеной для бритья лицу, на которое должен быть уложен лист бумаги.

Сержантику показалось это не полным, малым развлечением. Порывшись в трусах, он набрал волос и накидал их на пену, которую предварительно размазал по лицу спящего Сашки. И попросил собрать волосы такого рода у нескольких ребят и товарищей по лычкам. Собрал он их много. После чего произвел хлесткий удар по лицу нашего Сашки. Все хохотали, а особенно этот урод, который прямо-таки задыхался от смеха: «Смотрите на него! Он там, кажись, искры

ловит! Конченный!» – не унимался сержантик. Спросонок Саша не понял, что произошло – так внезапно вывело его из мертвецкого сна. Лицо жгло. Сашка был весь в пене и *этих* волосах. Выйдя на «взлет-ку», он отправился смывать все с себя, приговаривая: «Придет время и ты ответишь за это, сраная крыса». Никто, конечно, не придавал значения словам униженного мышонка.

Через некоторое время, к концу учебки, нас распределяли по войскам. Сашу отправляли ночью на Кавказ. И вот, собранный, с вещмешком, он решил отомстить. Испражнившись тихонько в стакан, он подошел к вальяжно лежащему на кровати полуголому сержантику, и вылил пахучее содержимое стакана в рот обидчика:

– На, хлебни ссанины, ублюдок, – проговорил Сашка.

По лицу обидчика растекалась моча. Сержантик начал захлебываться и откашливаться. Сашка же тем временем, громко смеясь, направился на выход.

Захлебываясь в моче, товарищ с лычками визжал на всю роту. Всех разбудил ублюдок. Кричал: «Это вода! Это вода! Держи его!». Дежурный по роте, такой же урод, как и тот, который хлебнул мочи, кинулся за Сашкой на улицу, но было уже совсем поздно.

Урал с ревом пропал в ночной тихой дали. Мечь была совершена. Являлась показательной и была для нас всех уроком. Не обязательно иметь физическую силу, чтобы дать отпор. Надо просто иметь характер, и чувство собственного до-

стоинства.

Вообще очень любопытно, насколько по-разному люди ведут себя в критической ситуации. Здоровые парни, спортсмены прогибались перед худосочными малявками и служили им как рабы. Я никогда не мог этого понять. Сначала я старался помогать, защищать их, но потом мне показалось, что они сами виноваты в том, что их избивают и унижают, трус – он и в Африке трус. Не правда ли? Свобода принадлежит только тем, кому хватает смелости ее защищать. Надо давать отпор, даже если силы не равны, как показал это «Сашка-мышонок».

Во время службы в учебке каждому солдату говорили о том, что его поведение и учеба будут определять дальнейшую службу – отправку в войска. Если будете преуспевать в строевой, тактико-технической, физической, общественно-государственной подготовке, то вас направят в лучшие части страны. Если же будут проблемы с учебкой и дисциплиной – направят в самые проблемные части. Проблемные – в плане контингента и природных условий: север, острова, дальние участки Сибири. Зброшенные части, в которых практически нет контроля, куда отсылают «подальше» самых проблемных солдат, людей судимых или же просто неуправляемых в своей агрессии.

Там рулили неуставные отношения, нет, не пресловутая «дедовщина», в ней хотя бы есть какая-то логика, скорее, «беспредел». Плюс собачий холод, такой, от которого скре-

жетали зубы. Количество суицидов в таких местах зашкаливало.

По словам командира взвода, старшего лейтенанта Базлова, кстати, отличного офицера, нас могут направить в части, в которых бывают даже случаи нападения на солдат местного населения. Если солдат выходил за пределы части, его могли закидать камнями, избить, и израненного, ограбленного, бросить у ворот. И в этих словах – не просто попытка запугать солдат, а чистейшей воды дикая правда.

Солдат в нашей учебной части, которая насчитывала несколько тысяч человек, стращали отправкой на острова «Южный» и «Северный». Командиры различных рангов частенько рассказывали о тамошней службе: там надо было ходить по веревке, чтобы не заблудиться в снегах во время бури, там половина солдат имеет с десятков судимостей, пропитание сбрасывают с вертолетов на парашютах... Сержантский же состав рассказывал о своих сослуживцах, друзьях и товарищах, которые попадали на острова и пропадали вовсе. Со времени отправки *туда* их больше никто не видел. А тут еще дежурный из наряда рассказал, что как-то во время его дежурства перед ним, в коридоре, сидел рядовой, и выглядел весьма плачевно. Таких солдат дежурный еще не встречал. Голову он не поднимал, затуманенные глаза были опущены, лицо – какое-то перекошенное, нос смещен в сторону, а кожу украшали кривые порезы.

– Солдат, что ты тут делаешь? – спросил дежурный. – С

каким вопросом пришёл?

– Мне в прокуратуру надо, к старшему офицеру, – ответил рядовой.

– Его надо подождать. На доклад пошел.

Дежурный подошел ближе.

– Ты, вообще, откуда такой взялся?

– С острова «Северный», – тихо ответил рядовой.

– Что у тебя с лицом-то? – любопытно спросил дежурный.

– Да было дело... – опустив глаза, отозвался рядовой.

– Контрабасы, что ли?! Прапорщики?! – взволнованно задавал вопросы дежурный.

С ответом солдат не торопился. Сидел, тихонько переминая в руках пожелтевшую флоровскую кепку.

– Нет... Местные солдаты.

– Значит, беспредел там полный, – подытожил дежурный.

– Пару лет назад вообще остров был захвачен разъяренными солдатами, в столовую ездили на БТРах, и в дневальных стоял офицерский состав.

Дежурному было нечего сказать, он просто слушал солдата, нервно переминаясь с ноги на ногу. В конце своего повествования рядовой добавил: «Не дай бог туда попасть».

Все солдаты под страхом отправки на острова старались преуспеть в боевой подготовке и воинской дисциплине, дабы их отправили в хорошие части. Так, в подобных рвениях, и пробежало время в учебке.

К концу учебки оглашали списки, кто куда будет направ-

лен. Были различные точки назначения. В основном части располагались на окраинах страны: кого-то направили на Кавказ, кого-то – в Таджикистан, Армению, Молдавию, Казахстан... Некоторым повезло – распределили в Москву, Ростов и Калининград.

Все ждали, кто же «выиграет» путевку на острова, кто же окажется тем «счастливчиком», который может и не вернуться... Даже делали ставки, кто из «особо» отличившихся поедет туда. Я, в свою очередь, в глубине души, все равно хотел попасть туда на остров. Проверить себя. Но вероятность того, что я туда попаду, была порядка одного процента из ста из-за моей высокой успеваемости и большого количества благодарностей. Одного за другим людей разбирали. Рота становилась все меньше и меньше. В казарме становилось тихо – напряжение усиливалось... Это был мой двадцать третий день рождения, в который судьба преподнесла мне удивительный подарок: когда, наконец, огласили фамилии трех «счастливчиков», которым выпало служить на островах, ими оказались я, мой друг Игорь и Леха. Игорь был здоровый, немного пухловатый детина. С маленького носа всегда съезжали угловатые очки в черной массивной оправе. Если смотреть с точки зрения физической подготовки, он не мог ни разу подтянуться, поэтому время от времени получал удары кулаком в «душу», от которых на несколько секунд загибался от боли. Он – единственный в роте, кто любил мыть туалеты. Брал большой тазик, набирал воду, воору-

жался щеткой, спокойно сажился на пол и аккуратно вымывал до бела грязный сортир, даже стульчак снимал, окунал его в тазик и тщательно натирал. Если честно, я этого никак не мог понять.

– Блин, Игорь... Ты чего-то часто на сортирах. Может, хоть как-то отпросишься? – не выдержал я.

– Да нафиг надо, – на меня по-доброму смотрели его глаза в массивных очках. – Тут тихо, сижу себе, мою, никто мне не мешает.

На гражданке он был спокойным парнем, отличником, поэтому служба в армии ему давалась тяжело. Я сделал для себя железный вывод: когда интеллигент сталкивается с тупой агрессией, побеждает, как правило, всегда второе.

Леха был парень двадцати лет, худощавый, небольшого роста. Обычный деревенский пацан. В его больших серых глазах можно было заметить незаурядный ум и находчивость.

Когда мы услышали новость о нашей отправке на острова, нашему удивлению не было предела, так как мы были одними из лучших солдат в роте, дисциплинированных, уставных. Мы пребывали в каком-то недоумении или в состоянии шока, не знаю...

Когда огласили списки, Игорь стал внезапно хохотать, а Леха залился слезами. Я же не знал, как реагировать – плакать или смеяться. Одно было у меня в голове: мысли материализуются, и служба на островах – это самая лучшая

возможность проверить себя. После этого все, в том числе и офицеры, обращались с нами с какой-то непередаваемой жалостью, словно мы прокаженные. В итоге Леха каким-то образом слился из списков тех, кого отправляют на остров. Хитрец, как он это сделал? Это осталось для меня и Игоря полнейшей загадкой.

Наступила дождливая осень. Она ворвалась внезапно, хотя уже сентябрь – самое время. Душные, изнуряющие потом, жаркие, солнечные дни оборвались мгновенно, как будто кто-то их резко выбросил, как что-то уже ненужное, отслужившее свой положенный срок. По вечерам шли непрерывные дожди, утром обдувало холодными ветрами.

Время тонкой струей сочилось через наши молодые, солдатские жизни. Оно сочилось очень медленно, наполненное тяжелым грузом ожидания чего-то неизведанного, наглухо спрятанного от нас. Возможно, печального, а, возможно, и нет... Но, если честно, хорошего никто не ждал...

Как снег на голову, пришло время отправки. Утро... Дневальный рвал глотку. Был дан приказ на выход с вещами из здания казармы. Моментально надев форму, натянув сапоги, собрав быстренько вещмешки, мы с Игорем выбежали на плац. На плацу уже стояло ровным строем несколько сотен солдат. Их распределяли в места службы в различные города. Перед зеленой толпой стояло несколько офицеров и сержантов, которые отвечали за перевозку на места службы. Своего «перевозчика» мы узнали издалека. Он выделялся из всех

офицеров. На голове – старая выцветшая флоровская кепка. Короткие темно-русые волосы. Лицо с длинным тонким носом и темнозелеными смешливыми глазами выражало некий пофигизм, словно говорило о том, что ему не терпится побыстрее с нами разобраться и поехать обратно домой.

После проверки вещмешков на наличие алюминиевых кружек и ложек мы отправились на вокзал. Шли мы пешком, шли долго, таща двадцатикилограммовые коробки с сух-пайками. Такой вот своеобразный десятикилометровый марш-бросок с отягощениями. Прошли через железнодорожные пути, те самые, которые славилась, как я ранее рассказывал, своими несчастными кровавыми историями. Историями, как ребята различных призывов, замученные службой и нерадивыми сослуживцами, сбегали через забор, попадали на пути и в итоге их, расчлененных, отправляли к родителям домой в заколоченных ящиках. И правда, пути эти располагались прямо напротив забора части. Когда я проходил вдоль рельсов, в моей голове рисовались страшные кровавые картины, которые напомнили мне еще одну кровавую картину, которая нарисовалась годом ранее. Я вспомнил сержанта, повесившегося в проеме заброшенного здания, находящегося на окраине территории части. Причина заключалась в том, что парень повесился после того, как его бросила любимая девушка. Ранее жизнерадостный, общительный, всегда улыбающийся, он в один день стал замкнутым и неразговорчивым. Никто не знал, что произошло, все счи-

тали, что просто человек не в настроении, замучен тяжелой службой, да мало ли что... Никто не поинтересовался, что у него в голове и на сердце. Никто даже не спрашивал, что с ним, всем было просто наплевать, пока его, двадцатилетнего парнишку, не сняли мертвого с петли...

Девчонки не знают, не могут понять, каково их ребятам в армии. Минутное общение по телефону раз в неделю или письмо, написанное любимой женщиной, облегчало существование многим парням.

Жизнь была тяжкая, такая, которая могла довести до самоубийства. Весточки из дома солдаты прятали под подушкой, кто-то плакал, читая послания издалека, потому что соскучился по своей любимой. Постоянный стресс давал о себе знать.

Свое, долгожданное письмо, с запахом цветочных, свежих духов, я от Вики так и не получил. Случалось раз в неделю позвонить. Разговор всегда выходил немного нескладным: Вика говорила, что у нее много работы, что отправить письмо – это целая история, а времени у нее совсем не хватает... Было тяжело. Мне не хватало ее. Я был подавлен. Связь между нами как будто терялась. Я все сваливал на ее работу: напряженно трудится, чтобы не ударить в грязь лицом перед начальством, может, и правда, ей не до писем и не до болтовни сейчас. Но все равно – плохо, неприятно. Слезилась глаза. Не отпускало стойкое ощущение, что нить рвется – отношения подходят к концу...

Ну, да ладно, проехали... Вернемся к нашему парню, ви-сящему в петле. Разве не могла эта неведомая мне девушка бросить его тогда, когда он вернется со службы? Что? На-столько было невтерпёж!? Не знаю, это останется на ее сове-сти. Но молоденького парня, полного мечтаний, уже не вер-нуть. Напоминанием о его жизнерадостной улыбке останется только гробовая доска с крестом и несколько фотографий.

С такими мыслями десять километров пути, с двадцати-килограммовым грузом, прошли почти незаметно, пришло время грузиться на поезд, опять идущий в неизвестное.

Позже мы узнали, что поезд следовал до Хабаровска с пе-ресадкой в Новосибирске. Расположили нас в плацкартном, обиженном временем, вагоне: коричневый кожзам на сиде-ниях местами отслоился, линолеум под паркетную светлую доску участками был протерт до белизны, вокруг пахло сы-ростью. Нам было наплевать на подобные условия, мы полу-чали удовольствие, ведь эта поездка – отличный отдых, вре-мя без муштры и моральных уродов.

В туалете вагона мы, наконец, смогли полностью прости-рать всю свою одежду, так как в части это было весьма про-блемным делом. Правил, в виде четкого распорядка дня, в поезде не существовало благодаря нашему пофигистичному «перевозчику». Мы с Игорем расположились в плацкартном кубрике друг напротив друга. Мы ощущали себя по-настоя-щему свободными. Здесь свободу не надо было отстаивать ежеминутно.

Быстро меняющиеся виды за окном уносили нас за собой. Появилось время и возможность рассмотреть даль, ее широкие, необъятные просторы, зеленые равнины, которым конца и края не было. Желтые, засеянные поля пшеницы, время от времени прогибались под дуновением ветра. Длинные синие реки мчались куда-то вдаль.

Первый, запомнившийся на пути, город – Пенза, самый зелёный город Поволжья, причём это официальный титул, который Пенза заслужила многими годами ранее. Тогда был утверждён генеральный план, по которому не менее четверти города следовало отдать под зелёные насаждения. Пятиэтажки, скверы, парки, маленькие фонтаны – такой запомнилась нам Пенза. Наш железнодорожный путь пересекала река Сура. На левом ее берегу царили широколиственные леса, на правом же – множество хвойных деревьев. Молниеносно пролетела Сызрань со своим маленьким белым вокзальчиком. Промчались над широченной, красивейшей Волгой. Остановились в Самаре. Я вышел из вагона поезда, дабы хоть что-то успеть рассмотреть. С платформы вдалеке виднелись две башни собора. Позже я узнал, что это – католический Храм Пресвятого Сердца Иисуса, польский костел, построенный в начале двадцатого века. По другую сторону в ряд выстроились промышленные здания. Во время Великой Отечественной войны в Самару эвакуировалось оборудование ряда предприятий Москвы, Ленинграда, Украины и Белоруссии. Мощные заводы на годы определили облик города.

... Услышав пронизывающий гудок, я заскочил обратно в поезд. Самара проводила нас маленькими озерами и зелеными сопками.

Время от времени нам на глаза попадался наш «офисер-перевозчик». Пробегал он мимо с таким выражением лица, как будто что-то искал и все не мог найти. А однажды он прошел под руку с симпатичной блондинкой, при этом был изрядно навеселе. Откуда он достал ее? Один черт знает.

... Но вот и столица Башкирии – Уфа. Город встретил нас слепящим солнцем и горами, покрытыми зеленью. Встретил золотого цвета вокзалом с большим стеклянным куполом. Местные бабушки тыкали нам в окно копченую рыбу и ароматные пирожки. Мы сглатывали слюнки, но не могли ничего купить: кроме дырок и пары пуговиц, в наших карманах, увы, ничего не было. Поезд тронулся, бабушки начали отдаляться. Солнце, пятиэтажки, горы, леса и рыба – такой запомнилась Башкирия.

Но вот опять мимо прошел наш «перевозчик» под руку уже с необычайной красоты брюнеткой. Откуда он их берет? Где-то есть магазин с красотками?! Мы не поняли, что вообще происходит.

Из другого конца вагона послышалось «Рота, отбой!» – команда нашего «гуляки». Мы решили, что и, правда, пора, и потихоньку начали ложиться спать.

Утром нас встретил Челябинск. Он был и вправду суров, как о нем говорят. Сплошняком заводы. Черный дым

из труб. Жилые дома советской постройки соседствовали с промышленными сооружениями. Единственное, что приятно удивило: в самом центре города – громадный лес, словно зеленый остров, который отчаянно пытался хоть как-то защитить экологию города.

... Уже час, как Игорь молча, задумчиво высматривал что-то в окне.

– Игорян, что ты там такое увидел? – с интересом спросил я.

– Знаешь, в моей жизни никогда не было таких моментов, когда я не знал, что меня ждет, – с меланхоличной, серьезной интонацией в голосе, совсем не присущей ему, ответил Игорь. – Я рад, что я не один...

Я посмотрел на друга, поймал его взгляд и подумал: конечно, нам будет тяжело, но мы все равно прорвемся.

– Игорь, все будет отлично! – бодро ответил я, хотя в душу закралась доля сомнения.

Поезд продолжал движение, колеса отбивали такт. Мы поспали, потом поели армейские галеты из сух-пайка. Ночью нас разбудил шум в конце вагона: какая-то чудная азиатская музыка все ближе и ближе, и вот мимо нас промчались три казаха-пограничника. У одного из них был телефон, из которого и доносились эти народные казахские мотивы. Оказалось, мы ехали через Казахстан. «Вот повезло! – подумал я. – Побывал в Казахстане бесплатно, за государственный счет, жаль, что большую часть Казахстана проспал».

Проехали Омск... Во время стоянки мы увидели нашего офицера, «Казанову», уже с новой девушкой. На этот раз не с такой симпатичной. Задор и улыбка не сходили с его игривого лица. Нам шаловливое настроение офицера было на руку: ни строго надзора, ни жесткого распорядка дня, мы получали удовольствие, как будто от обычной гражданской жизни. Каждый из нас понимал, что это ненадолго. Впереди нас ждут большие трудности. Но об этом мы старались не думать, просто провожали веселым взглядом очередной, новый для нас российский город, или следующее бескрайнее, желтое, пшеничное поле.

Проводив взглядом суетящегося «Казанову» и надкусив уже зачерствевший галет, я вновь стал смотреть в окно. А там – живописные пейзажи, в которых главная достопримечательность – река Обь, широкая, с рыбаками по берегам. Видели бы вы, какая она: бегущая, стремительная, уносящаяся всей своей мощью куда-то вдаль.

Но вот и Новосибирск, где мы должны были пересесть на другой поезд.

Мы с Игорем незаметно от всех сбежали на прогулку по вокзалу и ближайшим окрестностям. Город чем-то напоминал Челябинск, только больше леса, парков и скверов с фонтанчиками. Промышленные здания натканы в непонятной логике и разнузданном беспорядке. Новосибирск показался мне очень уютным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.